

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СФЕРЕ КОНТРОЛЯ НАД ВООРУЖЕНИЯМИ: ВЫЙТИ ИЗ КЛИНЧА

Н.И. Бубнова

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений РАН

В статье рассматриваются позиции новой администрации США в отношении контроля над вооружениями, анализируются стоящие в этой области проблемы и возможные пути их решения, сопоставляются высказывания Д. Трампа на эту тему с его общими взглядами по военно-политической проблематике и первыми шагами в данной области на посту президента, прогнозируется развитие российско-американских отношений в сфере ограничения и сокращения вооружений.

Несмотря на высказываемые в последнее время сомнения в целесообразности контроля над вооружениями на современном этапе, на основе проведённого анализа делается вывод, что ограничение и сокращение вооружений представляют собой важнейшее условие обеспечения международной безопасности. Без подтверждения действующих соглашений и дальнейшего продвижения по этому пути будет разрушен договорно-правовой режим контроля над вооружениями и многократно возрастёт опасность военных конфликтов, в том числе с применением ядерного оружия. В связи с этим России желательно использовать все имеющиеся возможности для включения контроля над вооружениями в повестку дня двусторонних отношений и в инициативном порядке представить Вашингтону пакет предложений в данной области, учитывающих российские национальные интересы и специфику российских вооружений и способных стать основой будущих переговоров.

Ключевые слова: контроль над вооружениями, ограничение вооружений, безопасность, ядерные вооружения, противоракетная оборона, Д.Трамп, российско-американские отношения, новый договор СНВ, договор РСМД, кибербезопасность, нераспространение.

УДК 327, 327.37

Поступила в редакцию 10.02.2017 г.

Принята к публикации 17.04.2017 г.

Мнения экспертов о целесообразности контроля над вооружениями неоднозначны. Ряд ведущих специалистов по обе стороны океана выступили с тезисом, что такой контроль изжил себя, поскольку в настоящее время более актуальным становится обеспечение безопасности за счёт наращивания вооружений. В статье с красноречивым названием «Взаимное гарантированное сдерживание» С.А. Караганов пишет: «Ключом к успеху сегодня будет отказ от излишней заикливости на соглашениях о контроле над вооружениями, которые неоднократно доказывали своё бессилие. Вместо этого следует начать трудный, но критически важный трёхсторонний диалог о том, как можно повысить международную стратегическую стабильность. Все элементы безопасности, начиная с ядерного оружия и заканчивая вопросами кибербезопасности и политики, следует рассматривать с точки зрения конечной цели – укрепления взаимного, многостороннего сдерживания» [5].

Однако договорённости по контролю над вооружениями, как и предшествовавшие им двусторонние и многосторонние переговоры, не только затормозили гонку вооружений в космосе, предотвратили милитаризацию Антарктики, привели к сокращению на порядок ядерных вооружений, закрепили безъядерный статус десятков государств, но в эпоху биполярного противостояния и в последующий период делали действия противоположной стороны более понятными и предсказуемыми, создавали механизмы мониторинга, облегчали задачу предотвращения и урегулирования конфликтов, позволяли совместными усилиями купировать возникающие угрозы. На опасность разрушения договорно-правовой базы контроля над вооружениями указывают многие ведущие российские эксперты, такие как А.Г. Арбатов, В.З. Дворкин, В.И. Есин.

Кроме того, проведённые исследования свидетельствуют, что меры по сокращению ядерных вооружений коррелировали с продвижением в деле нераспространения оружия массового поражения: чем более интенсивно шёл процесс контроля над вооружениями, тем большую стабильность демонстрировал режим нераспространения.

Общее обострение российско-американских отношений оказало негативное влияние на сферу контроля над вооружениями, хотя представители российского руководства долгое время в своих заявлениях стремились вывести вопросы разоружения за рамки противостояния [3, с. 88–91]. Какие реальные совместные шаги могут быть предприняты в этой сфере с учётом смены американской администрации?

Позиция Трампа в пользу наращивания вооружений и проблема разоружения

Если бы внутривнутриполитическая обстановка в США не была так накалена, российско-американские отношения при Д. Трампе было бы легче начать с чистого листа в хорошем смысле слова. Однако ограничение вооружений, кон-

троль над вооружениями являются для нового американского президента *tabula rasa* в прямом смысле. Провозгласив лозунг «сделать Америку великой снова», Д. Трамп собирается значительно увеличить ассигнования на военное строительство и ещё до официального вступления в должность заявил о намерении «чрезвычайно усилить и расширить ядерный потенциал» США, «пока зарубежные страны не образумятся в отношении этого вида оружия»¹. Хотя впоследствии официальные представители Трампа пояснили, что американский лидер имел в виду не количественное увеличение ядерного арсенала, а «модернизацию сил сдерживания», и вообще речь шла о повышении безопасности хранения ядерного оружия, очевидно, что Трамп имел в виду ровно то, что сказано. Это подтвердилось после его вступления в должность представлением программы увеличения расходов на ядерное оружие сверх того триллиона долларов, который Б. Обама планировал истратить за тридцатилетний срок. А в телефонном разговоре с соведущей телевизионной программы канала *MSNBC* Микой Бжезински Дональд Трамп, по её словам, заявил следующее: «Если гонка вооружений, то пусть так. Мы возобладеваем над ними на каждом витке, и нас хватит на дольше, чем их всех»².

В ходе избирательной кампании Д. Трамп никаких заявлений по поводу разоружения не делал. Наоборот, по свидетельству эксперта телеканала *MSNBC* Дж. Скарборо, ссылавшегося на советника Трампа по внешней политике, будущий президент задавался вопросом, почему США не используют ядерное оружие, если оно имеется в арсенале страны³. Сам Д. Трамп в интервью *MSNBC* заявил, что США могли бы применить ядерное оружие против террористов запрещённой в России организации «Исламское государство»: «Я ничего не исключаю. ИГ бьёт по вам, но вы не защищаетесь ядерным оружием? Зачем тогда вообще его создавать?»⁴

Особенно опасными такого рода высказывания предстают в свете отсутствия у президента-неофита политического опыта. Специалисты обращают внимание, что, судя по его высказываниям, Д. Трамп не знаком с понятием «стратегической триады» (включающей, как известно, стратегические бомбардировщики, межконтинентальные баллистические ракеты, подводные лодки с баллистическими ракетами), не знает разницы между «первым ударом» и «применением ядерного оружия первыми»⁵.

¹ Твиттер Д. Трампа. URL: <https://twitter.com/realDonaldTrump/status/811977223326625792> (дата обращения: 22.12.2016).

² Pilkington E., Pengelly M. 'Let it be an arms race': Donald Trump appears to double down on nuclear expansion // *The Guardian*. 24.12.2016. URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2016/dec/23/donald-trump-nuclear-weapons-arms-race> (дата обращения: 20.06.2017).

³ Scarborough J. 'Morning Joe' Co-Host Says Donald Trump Asked Adviser Why US Can't Use Nuclear Weapons // 24/7 Live Streaming News. 03.08.2016. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=pjdL777SdEI> (дата обращения: 20.07.2017).

⁴ Windrem R., Arkin W. What Does Donald Trump Really Think About Using Nuclear Weapons? // *NBS News*. 28.09.2016. URL: <http://www.nbcnews.com/news/us-news/what-does-donald-trump-really-think-about-using-nuclear-weapons-n655536> (дата обращения: 20.06.2017).

⁵ *Ibidem*.

Показательно, что среди первых назначенцев Трампа нет специалистов в области ограничения вооружений. Зато в штаб-квартиру НАТО ещё до инаугурации были направлены члены переходной команды Трампа, которые, по данным СМИ, должны были побудить генерального секретаря альянса Й. Столтенберга к увольнению своего заместителя Р. Геттемюллер, до назначения в НАТО занимавшую в администрации Обамы пост заместителя государственного секретаря США по контролю над вооружениями и возглавлявшую американскую делегацию на переговорах по подготовке нового договора СНВ.

Проблема сокращения стратегических вооружений: возможность нового старта?

В интервью 16 января 2016 г. британскому изданию *The Times* и немецкой газете *Bild* Д. Трамп неожиданно заявил, что пойдёт на отмену некоторых санкций в отношении России, если ему удастся договориться с Москвой о существенном сокращении ядерных вооружений. «...Думаю, мы начнём с того, что ядерное оружие должно быть очень значительно сокращено»⁶, – сказал он. Скорее всего, это импровизация, но если бы на двусторонней основе удалось договориться во взаимовыязке отменить санкции и снизить ядерные арсеналы, это было бы решением *win-win*, игрой с ненулевой суммой, когда обе стороны выигрывают. Разумеется, российская сторона не пойдёт на ухудшение своей безопасности, которая – в условиях значительного американского преобладания в обычных вооружениях – в существенной мере опирается на «ядерное сдерживание». Однако ведущие российские специалисты считают, например, что снижение числа ядерных боеголовок на стратегических носителях на треть, до тысячи единиц, никоим образом не нанесло бы ущерба стратегической стабильности [2, с. 14, 37–39], но помогло бы снова запустить процесс ядерного разоружения, сделать его более привлекательным для третьих стран и параллельно сэкономить миллиарды долларов и рублей, столь необходимых каждой из двух ядерных сверхдержав.

Однако менее чем через две недели после упомянутого интервью в ходе телефонного разговора с президентом В. Путиным в ответ на предложение продлить Договор СНВ Д. Трамп негативно отозвался об этом соглашении, назвав его одной из «плохих сделок», заключённых администрацией Обамы (возможно, просто не знал, о чём идёт речь, поскольку – как сообщали присутствовавшие при разговоре – обратился к помощникам за разъяснениями). Известно, что в ходе президентских дебатов Трамп неправильно назвал Договор СНВ «стартапом» (вместо правильного акронима, звучащего по-английски как «старт») и ошибочно утверждал, что, в соответствии с положениями этого документа, российской стороне позволено производить новые ядерные боеголовки, а Соеди-

⁶ Full transcript of interview with Donald Trump // *The Times*. 16.01.2017. URL: <https://www.thetimes.co.uk/article/full-transcript-of-interview-with-donald-trump-5d39sr09d> (дата обращения: 20.06.2017).

нённым Штатам – нет. Но в своё время на переговорах по ОСВ советские руководители, да и гражданские члены делегации также нуждались в том, чтобы им разъясняли сложные параметры процесса ограничения вооружений [12, с. 56]. С другой стороны, во время сенатских слушаний по утверждению его кандидатуры на пост государственного секретаря Р. Тиллерсон позитивно оценивал новый Договор СНВ и говорил о важности для Соединённых Штатов «продолжать поддерживать отношения с Россией, чтобы добиваться выполнения ею своих обязательств по новому Договору СНВ, а [для США] также обеспечивать собственную подотчётность»⁷. Даже если Д. Трамп и не изменит своего отношения к продлению нового Договора СНВ, представляющегося ему «наследием Обамы», не исключено, что в дальнейшем он сочтёт возможным связать своё предложение по сокращению ядерных вооружений со следующим договором относительно уже более глубоких сокращений стратегических наступательных вооружений.

«Вызовы» и возможности контроля над вооружениями

Озабоченность российской стороны вызывает осуществляемая в США работа по созданию неядерных высокоточных систем большой дальности, так называемой системы Быстрого глобального удара (БГУ), способных к нанесению удара по всему миру. В рамках дальнейших сокращений стратегических носителей могли бы учитываться американские неядерные стратегические высокоточные ракеты большой дальности БГУ. Прецедент этому был положен действующим новым Договором СНВ, ограничивающим любые баллистические ракеты с дальностью более 5500 км. Если же другие перспективные американские неядерные системы, также входящие в программу БГУ, такие как гиперзвуковые ракетно-планирующие аппараты ANV и неядерные баллистические ракеты средней дальности (SLIRBM)⁸, не подпадут по дальности под действие Договора СНВ, то, как полагает А.Г. Арбатов, решение могло бы заключаться в запрещении наземного базирования систем с дальностью менее 5500 км и применении мер доверия к подводным лодкам и кораблям, оснащённым такими ударными системами⁹.

Отдельно следует рассматривать реально существующие системы БГУ: крылатые ракеты в неядерном оснащении, а также перспективные крылатые ракеты воздушного базирования. Их обсуждение в рамках переговоров по ограничению вооружений представляет значительно большую сложность, поскольку крылатых ракет насчитываются тысячи, они имеют различные варианты базирова-

⁷ Landay J. Rohde D. In call with Putin, Trump denounced Obama-era nuclear arms treaty – sources // Reuters World News. 09.02.2017. URL: <http://www.reuters.com/article/us-usa-trump-putin-idUSKBN15O2A5> (дата обращения: 20.06.2017).

⁸ Крылатые ракеты с планирующими или маневрирующими головными частями (дальностью до 3 700 км), которые могут размещаться на кораблях и подводных лодках.

⁹ Арбатов А. Новые угрозы – новые решения // Независимое военное обозрение. 06.12.2013. URL: http://nvo.ng.ru/concepts/2013-12-06/1_progress.html (дата обращения: 20.06.2017).

ния и выполняют разнородные боевые задачи. В отношении них, по-видимому, следует стремиться к выработке мер по укреплению доверия, которые бы предусматривали предварительное оповещение противоположной стороны относительно времени, причины, цели и места их развёртывания. Если подобные меры окажутся успешными, то можно было бы начать рассмотрение на двусторонней основе возможных количественных ограничений, например, до уровня 1000 или 1100 единиц. Не исключено также возвращение к обсуждению высказывавшейся несколько лет назад идее неких «разменов» между ограничением вооружений БГУ и сокращениями тактических ядерных вооружений.

Заинтересованность в ограничении тактических ядерных вооружений, по которым РФ имеет количественное преимущество, неоднократно высказывалась с американской стороны при прежних администрациях. В Москве исходят из необходимости возвращения всех таких вооружений на территорию стран, которым они принадлежат: в первую очередь речь идёт о нескольких сотнях американских авиационных бомб, хранящихся на складах в Европе. До начала украинского кризиса такая возможность обсуждалась, однако затем в связи с обострением ситуации в Вашингтоне было принято решение о замене их на более современные самонаводящиеся ядерные бомбы. Диалог по вопросу тактических ядерных вооружений может быть возобновлён, и его задачей на первом этапе должна стать выработка мер по обеспечению прозрачности, укреплению доверия, обмену данными о количестве и параметрах такого тактического оружия.

Желательно также возобновить обсуждение на двусторонней основе осуществляемого как Соединёнными Штатами (в Европе и в Восточноазиатском регионе), так и Россией (в рамках Программы ВКС) строительства систем противоракетной обороны с целью снижения озабоченности каждой из сторон и одновременно поиска возможности учитывать стратегические оборонительные вооружения в ходе дальнейших переговоров по СНВ. Остались в прошлом рассматривавшиеся (в том числе Американской национальной академией науки и Российской академией наук) варианты «совместной» или «сопряжённой» системы ПРО, которые и тогда не представлялись реалистичными. Однако, по меньшей мере, спорной является точка зрения А.Г. Савельева, что якобы «именно система ПРО может способствовать укреплению стабильности и нейтрализовать угрозу возникновения ядерной войны в случае просчёта в принятии решений вследствие технического сбоя, ошибки или злонамеренного воздействия на систему предупреждения» [8, с. 40]. Между тем, вполне может стать предметом двусторонних переговоров обсуждение конкретных проблем по обеспечению стабильности, возникающих в связи с развёртыванием ПРО, которое предлагает начать А.Г. Арбатов. В.З. Дворкин также считает возможным – без ущерба для безопасности – обсудить в ходе будущих переговоров возможность сокращения вдвое количества систем ПРО с каждой стороны и, возможно, установить ограничения на зону их размещения.

А с американской стороны ведущий сотрудник Фонда Карнеги Дж.Эктон предлагал в изданном на пороге критического 2013 г. обзоре, чтобы Соединённые Штаты ежегодно представляли России сводку о планируемых на год вперёд размещениях ПРО, включая информацию по каждому из подлежащих размещению элементу и их максимальному количеству [10]. В свою очередь, директор программы по американо-российским отношениям Института Гарримана Колумбийского университета К. Мартен в опубликованном в 2017 г. Докладе «Как снизить напряжённость в отношениях между Россией и НАТО» призывает правительство США «поставить планируемое развёртывание американских ракет-перехватчиков ПРО системы *Aegis* в Польше в зависимость от выполнения Ираном своих обещаний по ядерному нераспространению в рамках достигнутого в 2015 г. Соглашения» [11, с. 34–36], то есть не разворачивать ПРО в Польше, если Иран будет соблюдать достигнутые договорённости.

Задача принять совместное решение о снятии ядерных вооружений с минутной готовности становится ещё более насущной в связи со сблизившимися вооружёнными силами обеих сторон (не говоря уже об импульсивном характере нового американского верховного главнокомандующего). В 2000 г. это собирался сделать Дж. Буш-младший, а в первую президентскую кампанию Б. Обама, который назвал положение дел в данной области «опасным пережитком холодной войны»¹⁰.

Также было бы целесообразно принять – на двусторонней основе или же в порядке односторонней инициативы – решение об отмене планирования ядерных операций по сценарию запуска-по-предупреждению (или ответно-встречного удара). Давно назрело и решение об отказе от использования ядерного оружия первыми. Необходимо вновь подтвердить на уровне руководства страны делавшиеся ранее заявления, что в ядерной войне нет и не может быть победителей.

Отдельным вопросом стоит подключение третьих стран к процессу контроля над вооружениями. Эти государства настаивают, что готовы будут присоединиться к процессу сокращения ядерных вооружений только в том случае, если Россия и США пойдут на значительные сокращения до уровней, сопоставимых с теми, которые имеются у этих государств, однако последнее не представляется реалистичным. Кроме того, у этих государств – за исключением Англии, Франции и Китая – в основном нет стратегических систем. Следовательно, за неимением соответствующего опыта предстоит установить принципы, исходя из которых могут сопоставляться и сокращаться вооружения этих стран: стабильности, паритета, заявленных уровней, пропорциональности, а также определить, какие системы будут подлежать ограничению и как может осуществляться контроль. В случае возобновления двусторонних российско-американских переговоров по ядерным сокращениям можно рассчитывать, что эти государства согласятся

¹⁰ Arms Control Today 2008 Presidential Q&A: President-elect Barack Obama. Arms Control Association. URL: <https://www.armscontrol.org/2008election> (дата обращения: 20.06.2017).

на обсуждение большей транспарентности своих ядерных программ, предоставят информацию о своих арсеналах или даже согласятся гарантировать неувеличение количества имеющихся у них ядерных вооружений.

Участие Китая в сокращениях ядерного оружия в ближайшей перспективе представляется маловероятным, учитывая угрожающую риторику в его адрес со стороны Д. Трампа (правда, смягчённую в дальнейшем, особенно в связи с состоявшимся визитом в Вашингтон председателя КНР Си Цзиньпина), а также размещение элементов американской БМД на территории стран-соседей. Оно станет возможным только при условии, если американские и российские уступки в этой области будут перевешивать китайские. В рабочих материалах 2013 г. А.Г. Арбатова и В.З. Дворкина указывалось, что если считать вместе стратегические и достратегические носители ядерного оружия или же отдельно наземные ядерные ракеты [1, с. 40, 41], то по этим показателям потенциал Китая сопоставим с российским или американским (особенно принимая во внимание, что значительная часть китайского потенциала ответного удара может быть скрыта в подземных тоннелях) [1, с. 45]. Поэтому китайский фактор учитывать необходимо. Однако формат американо-китайских переговоров для вовлечения Китая в процесс контроля над вооружениями представляется менее реалистичным в сравнении с 2013 г. даже при условии, если удастся договориться о дальнейших российско-американских сокращениях стратегических вооружений.

Параллельно необходимо скорейшим образом активизировать консультации по предотвращению гонки ударных космических вооружений, на пороге которой – как это уже было в начале 1980-х гг. – снова стоит мир. Как известно, в 2002 г. Соединённые Штаты вышли из Договора по ПРО, запрещавшего в том числе развитие противоракетных вооружений в космосе. Действующий Договор о космосе 1967 г. не содержит запрета на размещение на орбите обычных (неядерных) вооружений. В настоящее время на орбите находятся сотни военных аппаратов американского, российского, китайского производства, многие из которых способны не только выполнять разведывательные функции, но и – хоть это официально не признаётся – поражать другие летательные объекты.

Уникальным регионом, где сохраняется преемственность сотрудничества (за исключением военной сферы и разработки энергоресурсов на шельфе), остаётся Арктика. Как указано в посвящённой этой теме монографии под редакцией А.В. Загорского [7, с. 16], там отсутствуют объективные поводы для конфликтов и даже в последние годы не наблюдается принципиальных изменений в военной деятельности. Россия – это единственная страна, имеющая в регионе постоянно развёрнутые силы и вкладывающая значительные средства в формирование и усиление военной инфраструктуры¹¹. В Арктике продолжается строительство новых российских баз, а 19 февраля 2017 г. заместитель министра обороны РФ объявил о состоявшихся там испытаниях новых образцов военной техники и

¹¹ Презентация юбилейного выпуска ежегодника «Безопасность и контроль над вооружениями» / ИМЭМО. 27.12.2016. URL: http://www.imemo.ru/index.php?page_id=502&id=2829&p=4&ret=498 (дата обращения: 20.06.2017).

снаряжения. Всё это создаёт предпосылки к эскалации военных приготовлений в регионе и превращению его – пользуясь выражением А.В. Загорского – из «пятка стабильности» в потенциальную зону конфликта, если стороны не будут вести переговоры по предотвращению милитаризации региона.

Европейская безопасность, отношения Россия – НАТО и контроль над вооружениями

Несмотря на то, что после начала украинского конфликта администрация Б. Обамы объявила о замораживании военных контактов с Россией, а затем Конгресс наложил прямой запрет на военное сотрудничество, подписанный в 1997 г., основополагающий акт Россия – НАТО оставался в действии. И по линии учреждённого этим актом в 2002 г. Совета Россия – НАТО осуществлялись встречи на уровне военных представителей. 30 марта 2017 г. было проведено первое после вступления в должность Д. Трампа заседание Совета Россия – НАТО, которое генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг на пресс-конференции по его итогам назвал «очень содержательным»¹².

К. Мартен отмечает, что Основополагающий акт «остаётся последней действующей институциональной рамкой для сотрудничества Россия – Запад в области безопасности в Европе». В её упоминавшемся выше исследовании в числе мер, которые Соединённые Штаты могли бы предпринять в сфере контроля над вооружениями для укрепления европейской безопасности, предлагается:

- подтвердить желание США сохранять в силе Основополагающий акт Россия–НАТО;
- поддерживать развёртывание новых вооружённых сил в Европе только до уровня, разрешённого в рамках принятого внутри НАТО понимания требования Адаптированного договора об обычных вооружённых силах в Европе 1999 г., «если только Россия не вторгнется в одно из государств-членов НАТО или не нанесёт ему серьёзный ущерб»;
- поддерживать выработку новых субрегиональных двусторонних и многосторонних соглашений об ограничении опасных военных инцидентов между НАТО и другими европейскими государствами и Россией, особенно в Балтийском и Северном регионах;
- осуществлять работу с союзниками по НАТО, чтобы в дальнейшем возобновить переговоры по контролю над ядерными и обычными вооружениями в Европейском регионе [11].

На проходивших в течение ряда лет конференциях и встречах в рамках российско-американского диалога в формате Колумбийский университет – ИМЭМО – МГИМО удалось убедить американских участников, делегацию

¹² Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg ahead of meetings of NATO Foreign Ministers and after a meeting of the NATO-Russia Council / NATO. 30.03.2017. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_142782.htm (дата обращения: 20.06.2017).

которых возглавляла К. Мартен, включить в итоговые документы московской конференции 2016 г. требование контроля над вооружениями, по какому бы сценарию ни развивались российско-американские отношения в будущем.

Важно учитывать, что несмотря на значительное усиление группировки НАТО вблизи российских границ в последние годы, продолжающиеся развертывания вооружённых сил и вооружений – значительно возросших по объёму со времени начала украинского кризиса – не выходят за рамки потолков, определённых Договором об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ), причём именно в его адаптированном варианте 1999 г., который ратифицировали Россия, Белоруссия, Казахстан и Украина, но не западные страны (последнее мотивировалось отказом России вывести войска из Молдовы и Грузии). Однако для продвижения по пути ограничения вооружений в Европе необходимо снять вопросы, связанные со взаимными обвинениями в невыполнении действующих договоров.

Соблюдение или нарушения договоров: выйти из «серой зоны»

В Соединённых Штатах широко распространено мнение о многократных нарушениях российской стороной Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД). В частности, особое внимание обращалось на испытания мобильной межконтинентальной баллистической ракеты РС-26 «Ярс-М» («Рубеж») на дальность меньше той, которую имеют МБР (эти ракеты должны поступить на вооружение в 2017 г.). Резкую критику вызывали испытания крылатых ракет Р-500 с дальностью более 500 км, предназначенных для размещения на оперативно-тактических ракетных комплексах «Искандер-К».

Обвинения в нарушении российской стороной Договора РСМД нашли отражение в утверждённом Конгрессе законопроекте о бюджете Пентагона на 2017 г., который – до выяснения ситуации – ввёл ограничения на финансирование выполнения ряда соглашений по контролю над вооружением, в частности, нового Договора СНВ и Договора по открытому небу.

В России также делались заявления о нарушении Соединёнными Штатами Договора РСМД из-за использования для американских ракет ПРО установок, аналогичных тем, которые применяются при пуске запрещённых Договором РСМД крылатых ракет. Ряд российских экспертов усматривают нарушение Договора РСМД в развёртывании американских ракет-перехватчиков системы ПРО, которые теоретически могут использоваться и в наступательном варианте, в применении снятых с вооружения запрещённых ракет для испытаний и в качестве «ложных целей», а также в широком использовании беспилотников, в том числе вооружённых ракетами.

В целях укрепления базового доверия в системе контроля над вооружением и обеспечения безопасности сторон Договора РСМД отечественные эксперты предлагали представить доказательства, что ракеты «Рубеж» являются стратегически-

ми, а крылатые ракеты Р-500 не обладают дальностью сверх установленного РСМД лимита, и «взамен» договориться с США, чтобы пусковые установки американской системы ПРО снабжались так называемыми функционально обусловленными наблюдаемыми отличиями (*functionally related observable differences – FROD*).

С обеих сторон также раздаются взаимные обвинения в нарушении Договора о нераспространении. В частности, Россию критиковали за намерение разместить на территории Крыма стратегические бомбардировщики Ту-22М3 (информация о планах размещения десяти таких самолётов появлялась на сайте Vesti.ru без упоминания об их оснащении ядерным оружием). В свою очередь в России указывают на грубое нарушение положений Договора о нераспространении во время так называемых «совместных ядерных миссий» НАТО, когда в ходе учений сил альянса военные из неядерных стран-членов НАТО обучаются навыкам, связанным с применением ядерного оружия, принимают участие в операциях, имитирующих использование этого оружия, для которых, помимо прочего, задействуются авиабазы и наземные сооружения соответствующих неядерных государств, а также их авианосцы с приданными им экипажами. Поскольку статьёй 1 Договора запрещено прямо или опосредованно передавать контроль над ядерным оружием кому бы то ни было, а статьёй 2 запрещено принимать этот контроль, российская сторона настаивает, что подобные учения и манёвры должны быть прекращены, а все использующиеся для них сооружения должны быть полностью демонтированы.

Хотя действия в «серой зоне», то есть на грани нарушения договоров или там, где их исполнение не может быть проконтролировано, исторически практиковалось ещё со времени соглашений 1970-х гг., в сложившейся ситуации правильнее со всей тщательностью придерживаться буквы и духа подписанных документов, укреплять их действие, не стремиться за счёт скрытых нарушений достичь односторонних преимуществ. Исполнение договоров соответствует как интересам обеспечения безопасности России, так и необходимости преодоления сложного периода, когда двусторонние отношения балансируют между обострением ситуации и перспективами преодоления конфронтации.

Негативные последствия прекращения действия договоров по ограничению вооружений

Происходившее в последние десятилетия разрушение складывавшегося на протяжении почти полувека режима контроля над вооружениями оказывало негативное влияние на международную безопасность. Выход США в 2002 г. из Договора по ПРО выбил краеугольный камень из фундамента стратегической стабильности и одновременно открыл двери гонке в области стратегических оборонительных вооружений, которая, в свою очередь, стимулирует и наращивание стратегических наступательных систем. «Рост доверия к Соединённым Штатам подорван, угроза выхода гонки вооружений в космос (как неизбеж-

ный атрибут реализации глобальной ПРО) усиливается, расчёт на отказ стран третьего мира от своих ракетных программ в условиях создания в США глобальной ПРО не оправдывается, имеющийся большой позитивный потенциал сотрудничества в области ПРО не получает реального воплощения» [6, с. 82], – пишет в противовес ранее цитировавшемуся мнению А.Г. Савельева В.С. Колтунов в фундаментальной коллективной монографии «Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество». Следующим шагом назад стала отмена подписанных в 1997 г. соглашений, касавшихся разграничения стратегической и нестратегической противоракетной обороны.

В 2013 г. Была прекращена программа Нанна–Лугара, в рамках которой США оказывали содействие России в демонтаже и ликвидации ракет, подводных лодок, объектов химического оружия. В 2014 г. было остановлено сотрудничество по безопасному хранению оружейных материалов, в 2015 г. Россия впервые не участвовала в вашингтонском ядерном саммите по той же проблематике.

Несмотря на обещания Б. Обамы, американским Сенатом не был ратифицирован Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, как не был подписан и Договор о прекращении производства расщепляющихся материалов.

В 2016 г. российская сторона вышла из заключённого в 2000 г. Соглашения по утилизации оружейного плутония. Хотя Соединённые Штаты действительно должным образом не выполнили взятых на себя обязательств, не построив в срок завод по переработке плутония, основной причиной отказа российской стороны от соглашения была возросшая напряжённость в отношениях. Указ от 3 октября 2016 г. о прекращении сотрудничества по плутонию был анонсирован с «особой дерзостью», *ad absurdum*: было объявлено, что Москва готова будет возобновить реализацию договорённостей только в том случае, если войска НАТО вернутся к уровню 2000 г., Вашингтон откажется от санкций и выплатит компенсации за ущерб, нанесённый ими, а также контрсанкциями, и отменит «закон Магнитского». А.Г. Арбатов констатировал, что выдвинутые требования не имели ничего общего с утилизацией плутония, а прекращение действия договора «завершает процесс свертывания взаимодействия России и США в сфере ядерных материалов и боезарядов»¹³.

Но допустить дальнейшей эрозии существующей договорно-правовой системы в области контроля над вооружениями никак нельзя. Следует не разрушать, а укреплять имеющиеся договорённости в данной области, со всей отчётливостью подтвердить приверженность действующим соглашениям и двигаться дальше.

Режим нераспространения «на ядерном пороге»

Особое значение имеет подтверждение на двусторонней и многосторонней основе приверженности Договору о нераспространении ядерного оружия. В

¹³ Арбатов А. Чем опасно, что Россия приостановила соглашение по плутонию / Яблоко. 06.11.2016. URL: <http://www.yabloko.ru/publikatsii/2016/10/06> (дата обращения: 20.06.2017).

ходе избирательной кампании Д. Трамп делал заявления, где допускал, например, что Япония и Южная Корея могли бы обзавестись собственным ядерным оружием, чтобы защищаться от Северной Кореи. Однако позволить каким бы то ни было неядерным странам, включая союзников США, создавать или приобретать ядерное оружие – значит открыть ящик Пандоры для распространения и возможного применения ядерного оружия по всему миру. Недопустимо также возобновление ядерных испытаний, о возможности которого американские аналитики стали периодически сообщать со времени вступления Д. Трампа в должность президента. Напротив, следует подтвердить действенность Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний, ратифицированного российской стороной в 2000 г., но так и не прошедшего ратификацию в Вашингтоне.

В отношении Северной Кореи приходится признать, что порог уже пройден, хотя Россия всегда выступала за безъядерный статус Корейского полуострова. Американская администрация пытается воздействовать на Северную Корею через Китай, который Дональд Трамп ещё во время избирательной кампании обвинял в том, что он не «приструнил» КНДР. Северокорейская ядерная проблема была одной из основных тем переговоров Трампа с Си Цзиньпином во время визита последнего в США в начале апреля 2017 г. Если исключить чреватое самыми опасными последствиями военное решение – на возможность которого, впрочем, неоднократно намекали представители американской администрации – в настоящее время, по-видимому, речь может идти лишь о возобновлении переговоров с целью принятия как обеими Кореями, так и Соединёнными Штатами взаимных обязательств по ненападению и сдержанности.

На протяжении всей избирательной кампании Д. Трамп негативно отзывался об Иранском ядерном соглашении и обещал в случае избрания отказаться от него. Однако после вступления в должность президента он высказался в пользу сохранения Иранской ядерной сделки, фактически пересмотрев таким образом свою позицию по данному вопросу. Это является позитивным развитием событий, поскольку документ реально ограничивает возможности Ирана по созданию ядерного оружия, позволяет в случае нарушения им своих обязательств принять в рамках ООН заблаговременные меры, а кроме того – что очень важно – способствует сотрудничеству с этой ключевой страной Ближневосточного региона в деле борьбы с терроризмом.

Киберпространство: превращение из сферы сотрудничества в поле боя?

За год, предшествовавший избранию Трампа, проблема обеспечения кибербезопасности перешла из перечня немногих направлений, по которым всё ещё происходило российско-американское сотрудничество, в разряд тех, с которыми американские политики и политологи связывают наибольшую угрозу для США со стороны России. Однако и раньше, с начала украинского конфликта, российскую сторону обвиняли в ведении «гибридной войны» с использованием

киберпространства. В этой связи на саммите НАТО в Варшаве в июле 2016 г. было принято решение, что кибернападение на одну из стран-участниц может стать поводом для применения статьи 5 Устава Альянса, предусматривающей, что нападение на одно из государств-членов является агрессией против всех них¹⁴.

При этом, если раньше в связи с киберугрозами в США чаще всего упоминался Китай, а также КНДР и Иран, то в произошедших летом 2016 г. хакерских атаках на сервер национального комитета Демократической партии однозначно обвинили Россию. За 33 дня до инаугурации нового американского президента руководители ЦРУ, Национальной разведки и ФБР пришли к общему выводу, что за кибератаками стояли российские структуры, имевшие целью помешать избранию Х. Клинтон и посеять сомнения в американской демократии. Впоследствии вступивший в должность Д. Трамп после обсуждения в Конгрессе доклада о хакерских атаках также вынужден был согласиться с утверждением о причастности России. В начале апреля 2017 г. поднялся новый шквал обвинений, на сей раз в том, что будто бы во время избирательной кампании российские хакеры наводнили фейковыми новостями, способствовавшими поражению Х. Клинтон, социальные сети в ряде колеблющихся штатов: Мичигане, Висконсине, Пенсильвании.

И без того пристальное внимание, которое уделяется в США кибербезопасности, в дальнейшем будет усилено. В последней редакции американской Стратегии национальной безопасности слова с корнем «кибер» упоминаются почти столь же часто, как и слово «вооружения»: 19 против 22¹⁵.

Российские специалисты отмечают, что прежде существовало расхождение в восприятии кибербезопасности российской и американской сторонами: в США говорили в основном о технических угрозах, а в России включали в понятие «кибербезопасности» и информационную составляющую (этот подход закреплён в новой российской Доктрине кибербезопасности). Однако в американском «Докладе о российских хакерских атаках»¹⁶ несколько страниц посвящены деятельности вещающего на английском языке российского телеканала RT. То есть теперь в Вашингтоне, как и в Москве, речь идёт уже не только о «железе» и «софте», но и о контенте. Поможет ли такое «сближение» представлений об угрозе общим действиям по её купированию – неизвестно [9], особенно если учитывать жёсткие обвинения в адрес России, выдвинутые американскими спецслужбами и поддержанные вашингтонским политическим истеблишментом.

¹⁴ Оговаривается, что статья 5 в данном случае может быть задействована при двух условиях: если кибернападение было совершено государством и если оно повлекло серьёзные последствия, включая человеческие жертвы.

¹⁵ National Security Strategy. Feb. 2015 // White House official website. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (дата обращения: 20.06.2017).

¹⁶ Background to "Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections": The Analytical Process and Cyber Incident Attribution. 06.01.2017. URL: <http://www.motherjones.com/politics/2017/01/read-us-intelligence-report-russian-hacking-2016-campaign> (дата обращения: 20.06.2017).

В США пишут о том, что работающие на зарубежную аудиторию российские СМИ лгут, предоставляют недобросовестную информацию, подтасовывают факты. В самом деле, в условиях кризиса в отношениях с западными странами в России чрезвычайно возрос пропагандистский компонент журналистики, особенно в телевещании. Но следует также учитывать, что восприятие действительности «здесь и там» настолько различно, что даже добротная работа российских журналистов может восприниматься за океаном (а также в странах ЕС и в Японии) как ангажированная из-за неподготовленности «воспринимающих», из-за их «отсутствия присутствия» и клишированных стереотипов, дошедших в наследство ещё от времен холодной войны.

В США отдают себе отчёт в том, что задача обеспечения кибербезопасности не поддаётся решению в одностороннем порядке. Показательно, что в американской Национальной стратегии безопасности применительно к сфере кибербезопасности впервые говорится о «коллективной безопасности». «Мы формируем глобальные стандарты в области кибербезопасности и строим международный потенциал, чтобы предотвратить и расследовать киберугрозы»¹⁷.

В связи с обвинениями в адрес России правительство США ещё при Бараке Обаме заявило, что ответит аналогичными хакерскими атаками против российских структур (соответствующее заявление сделал, в частности, вице-президент Дж. Байден). Однако представляется, что ситуацию обострившегося противостояния можно было бы использовать для организации совместных усилий по эффективному противодействию кибертерроризму.

Очевидно, что в настоящее время политика западных государств в отношении России не является дружественной и строится на основе «сильной обороны и сдерживания»¹⁸ с элементами диалога. Построенная на ошибочных представлениях обеих сторон стратегия «сдерживания» [4, с. 84–85], стимулирующая гонку вооружений, должна постепенно вытесняться линией на укрепление безопасности на основе совместного противостояния глобальным угрозам, повышение транспарентности, соблюдение действующих и выработку новых соглашений по контролю над вооружениями.

Путь к договорённостям может быть долгим и трудным, учитывая различия в подходах сторон, неоднозначность и непоследовательность заявлений нового американского президента, а также обстоятельства достигшей беспрецедентного накала внутривнутриполитической борьбы в США. Со стороны американского истеблишмента предпринимаются попытки блокировать действия главы Белого дома и неясно, удастся ли Д. Трампу реализовать свои намерения по нормализации отношений с Россией. Насколько повестка дня российско-американских отношений будет включать контроль над вооружением, во многом зависит от

¹⁷ National Security Strategy. Feb. 2015 // White House official website. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (дата обращения: 20.07.2017).

¹⁸ Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg ahead of meetings of NATO Foreign Ministers and after a meeting of the NATO-Russia Council / NATO 30.03.2017. URL: http://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_142782.htm (дата обращения: 20.07.2017).

российской стороны. Учитывая заявление Д. Трампа о желательности сокращения ядерных вооружений, следует выступить с инициативой новых шагов по снижению уровней вооружений и выдвинуть соответствующие предложения с учётом российской позиции и специфики российских вооружений. Поиск российским и американским экспертными сообществами конкретных предложений и идей в этом направлении должен служить стимулом к активизации соответствующих практических усилий, поскольку свидетельствует о сохраняющейся несмотря ни на что заинтересованности в снижении уровня противостояния и укреплении международной стабильности путём двусторонних и многосторонних договорённостей. Вместе с тем, как справедливо отмечает П. Топычканов, российской стороне при взаимодействии с новой американской администрацией следует обозначить «красные линии», пересечение которых представляется ей недопустимым, в том числе: выход за пределы потолков нового Договора СНВ, возобновление ядерных испытаний, пересмотр соглашения с Ираном, согласие на развитие военных ядерных программ в не обладающих ядерным оружием государствах-союзниках США¹⁹. А также чётко сформулировать свою позицию по другим критически важным вопросам, имеющим отношение к сфере контроля над вооружениями, по которым не удалось договориться с предыдущей администрацией: строительству противоракетной обороны, проблеме ракет средней и малой дальности, развитию стратегических систем в неядерном оснащении.

Список литературы

1. Арбатов А.Г., Дворкин В.З. Большой стратегический треугольник. Рабочие материалы. Московский Центр Карнеги. Март 2013. 56 с.
2. Безопасность и контроль над вооружениями 2015–2016. Международное взаимодействие в борьбе с глобальными угрозами / отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН, Политическая энциклопедия, 2016. 303 с.
3. Бубнова Н.И. Военный фактор в политике Барака Обамы / Разоружение и безопасность 2013–2014. Стратегическая стабильность: проблемы безопасности в условиях перестройки международных отношений / отв. ред. А.Г. Арбатов, Н.И. Бубнова. М.: ИМЭМО РАН, 2014. 245 с.
4. Бубнова Н.И. Российско-американские отношения в контексте украинского кризиса: новые ипостаси холодной войны // Россия и современный мир. 2015. № 2. С. 81–97.
5. Караганов С.А. Взаимное гарантированное сдерживание // Россия в глобальной политике, 22.02.2017. URL: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Vzaimnoegarantirovannoe-sderzhivanie-18608> (дата обращения: 24.02.2017)
6. Колтунов В.С. Переговоры об ограничении систем ПРО в контексте взаимного сдерживания // Противоракетная оборона: противостояние или сотрудничество? / под ред. А.Г. Арбатов, В.З. Дворкин. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), Московский Центр Карнеги, 2012. 367 с.
7. Международно-политические условия развития Арктической зоны Российской Федерации / отв. ред. А.В. Загорский. М.: ИМЭМО РАН, Магистр. 304 с.
8. Савельев А.Г. Система предупреждения о ракетном нападении и стратегическая стабильность // Мировая экономика и международные отношения. 2016. № 12. Т. 60. С. 40–50.
9. Черненко Е.В. Начало холодной кибервойны // Россия в глобальной политике. № 6. 2016.

¹⁹ Топычканов П. Линии сдерживания: как может ответить Россия на ядерные инициативы Трампа // РБК. Политика. URL: <http://www.rbc.ru/opinions/politics/10/01/2017/5874c4e59a79475c76b9e7a9> (дата обращения: 12.01.2017)

- URL: <http://globalaffairs.ru/number/Nachalokholodnoi-kibervoiny-18488> (дата обращения 12.12.2016).
10. Acton J.M. Beyond Treaties: Immediate Steps to Reduce Nuclear Dangers // Policy Outlook – Carnegie Endowment for International Peace. October 2012. URL: <http://carnegieendowment.org/2012/10/10/beyond-treaties-immediate-steps-to-reduce-nuclear-dangers-pub-49612> (дата обращения: 12.12.2016).
  11. Marten K. Reducing Tensions Between Russia and NATO. Council Special Report. № 79. Council on Foreign Relations. March 2017. 51 p.
  12. Newhouse J. Cold Dawn. The Story of SALT. Holt, Rinehart and Winston, New York, Chicago, San Francisco, 1973, 1974. 302 p.

Об авторе:

Наталья Игоревна Бубнова – к.и.н., ведущий научный сотрудник НИ Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. 117997 г. Москва, Профсоюзная ул., д. 23. E-mail: nbubnova@imemo.ru.

U.S. – RUSSIA RELATIONS AND ARMS CONTROL: BREATHING THE CLINCH

N.I. Bubnova
DOI 10.24833/2071-8160-2017-3-54-161-178

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences

The article examines the new U.S. administration's outlook on arms control, analyses the existing problems in this field and possible ways for their resolution, compares Donald Trump's statements on military and political issues with the president's first steps in this area, and offers forecasts and recommendations on the prospects for U.S.-Russia cooperation in arms limitations and reductions. The author proceeds from the assumption that arms control is a key component in measures to ensure international security. Even if the current tense U.S.-Russian relations provide little room for maneuver and the internal political struggle in DC sets limits on the possible bilateral measures, Moscow should nevertheless take initiative in putting forward a set of proposals to reduce weapons, especially in the very sensitive and risk-prone nuclear field. This will allow in future negotiations to proceed from options that will take into account Russian interests and the specifics of Russia's weapons systems, while at the same time showing the resolve of the nuclear superpowers to reduce existing threats through negotiations and leading the way for other countries to join. Taking into account the importance of arms control, all efforts should be made to enforce the existing treaties, consolidate the current international treaty-based legal system, and work further on new arms control and arms reduction agreements.

Key words: arms control, arms reductions, nuclear weapons, security, U.S.-Russia relations, Donald Trump, nuclear weapons, ballistic missile defense, New START, CFE Treaty, nonproliferation, cyber-security.

References

1. Arbatov A.G., Dvorkin V.Z. *Bol'shoi strategicheskii treugol'nik* [The Great Strategic Triangle] Working Papers, Carnegie Moscow Center, March 2013, 56 p. (In Russian).
2. *Bezopasnost' I kontrol' nad vooruzheniiami 2015–2016. Mezhdunarodnoe vzaimodeistvie v bor'be s global'nymi ugrozami* [Security and Arms Control 2015–2016. International Cooperation in Fighting against Global Threats]. Ed. by Alexei Arbatov, Natalia Bubnova. Moscow, IMEMO RAN; ROSSPEN Publ., 2016. 303 p. (In Russian)
3. Bubnova N.I. Voennyi faktor v politike Baraka Obamy [The military factor in Barack Obama's policy]. *Razoruzhenie I bezopasnost' 2013–2014. Strategicheskaiia stabil'nost': problem bezopasnosti v usloviakh perestroika mezhdunarodnykh otnoshenii* [Disarmament and Security 2013–2014: Strategic Stability: Security Issues in the Context of the Restructuring of the International Relations]. Alexei Arbatov, Natalia Bubnova, eds. Moscow, IMEMO RAN, 2014. 245 p. (In Russian)
4. Bubnova N.I. Rossiisko-amerikanskii otnosheniia v kontekste ukrainskogo krizisa: novye ipostasi kholodnoi voiny [The Russian-American relations in the context of the Ukrainian crisis: new faces of the cold war]. *Rossia I sovremennyi mir* [Russia and the Contemporary World], INION RAN, IE RAN, 2015, no. 2, pp. 81–97. (In Russian)
5. Karaganov S.A. Vzaimnoe garantirovannoe sderzhivanie [Mutually assured deterrence]. *Rossia v global'noi politike - Russia in Global Affairs*, 22.02.2017. Available at: <http://www.globalaffairs.ru/pubcol/Vzaimnoe-garantirovannoe-sderzhivanie-18608> (accessed 24.02.2017). (In Russian)
6. Koltunov V.S. Peregovory ob ogranichenii sistem PRO v kontekste vzaimnogo sderzhivaniia [Negotiations on BMD limitation in the context of mutual deterrence]. *Protivoraketnaia oborona: protivostoianie ili sotrudnichestvo?* [Missile defense: confrontation and cooperation]. Ed. by A. Arbatov, D. Dvorkin. Carnegie Moscow Center, ROSSPEN, 2012. 367 p. (In Russian)
7. *Mezhdunarodno-politicheskie usloviia razvitiia Arkticheskoi zony Rossiiskoi Federatsii* [International political environment for developing the Arctic zone of the Russian Federation]. Ed. by A. Zagorski. Moscow, IMEMO Publ., 2015. 304 p. (In Russian)
8. Savelyev A.G. Sistema preduprezhdeniia o raketnom napadenii I strategicheskaiia stabil'nost' [Ballistic missile early warning system and strategic stability]. *Mirovaya ekonomika I mezhdunarodnye otnosheniia* [World Economy and International Relations], 2016, vol. 60, no. 12, pp. 40–50. (In Russian)
9. Chernenko E.V. Nachalo kholodnoi kibervoiny [The beginning of a cold cyberwar]. *Rossia v global'noipolitike - Russia in Global Affairs*, 2016, no. 6. Available at: <http://globalaffairs.ru/number/Nachalo-kholodnoi-kibervoiny-18488> (accessed: 12.12.2016). (In Russian)
10. Acton J.M. Beyond Treaties: Immediate Steps to Reduce Nuclear Dangers. *Policy Outlook*. Carnegie Endowment for International Peace, October 2012. Available at: <http://carnegieendowment.org/2012/10/10/beyond-treaties-immediate-steps-to-reduce-nuclear-dangers-pub-49612> (accessed 12.12.2016).
11. Marten K. Reducing Tensions Between Russia and NATO. Council *Special Report*, № 79. Council on Foreign Relations, March 2017. 51 p.
12. Newhouse J. *Cold Dawn. The Story of SALT*. Holt, Rinehart and Winston, New York, Chicago, San Francisco, 1973–1974. 302 p.

About the author:

Natalia I. Bubnova – Ph.D. in History, Leading Researcher, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences. Russia, Profsoyuznaya str. 23, Moscow 117997. E-mail: nbubnova@imemo.ru.